

Типологическое своеобразие категории лица  
в русской грамматике: экспансия в синтаксис,  
максимальная в Славии активность  
бессубъектных предложений,  
разнообразие ирреальных модальностей

Нина Б. Мечковская

*Белорусский государственный университет, Минск,  
Республика Беларусь, nina.mechkovskaya@gmail.com*

*Аннотация.* Перестройка в системе глагольных времен, происходившая в раздельной истории славянских языков, привела в ряде языков к утрате показателей лица в некоторых предикативных моделях и активизации безличных и бессубъектных предложений. Если в праславянском и древнерусском языках во всех формах прошедших времен значение лица имелось, то в русском языке на месте четырех прошедших времен сохранился один перфект, в котором связка настоящего времени от глагола *\*byti*, эксплицитно выражавшая значение лица, постепенно утрачивалась. Языковое сознание говорящих привыкало к неотчетливости грамматического лица, что вело к структурному разнообразию и употребительности бессубъектных предложений. По составу моделей бесподлежащих предложений славянские языки близки между собой, однако различаются по активности моделей. Встречаемость безличных и обобщенно-личных предложений возрастает в направлении от словенского к польскому и далее к русскому языку. В аспекте ареально-диахронических различий рассмотренные факты показывают, что в направлении с запада на восток имеет место типологическая тенденция к ослаблению словоизменительного характера грамматической категории лица и к размыванию основных значений лица.

*Ключевые слова:* грамматическое лицо, безличные предложения, инфинитивные предложения, неопределенные и обобщенно-личные предложения, факторы продуктивности бессубъектных моделей предложения

---

© Мечковская Н.Б., 2022

В основу статьи положен пленарный доклад автора, прочитанный на Международной конференции «Лицо в языке и коммуникации» (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 28–29 октября 2021 г.).

*Для цитирования:* Мечковская Н.Б. Типологическое своеобразие категории лица в русской грамматике: экспансия в синтаксис, максимальная в Славии активность бесsubjектных предложений, разнообразие ирреальных модальностей // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 24–45. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-24-45

## Typological features of the category of person in Russian grammar. Expansion into syntax, maximum activity of subjectless sentences in Slavia, variety of unreal modalities

Nina B. Mechkovskaya

*Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,  
nina.mechkovskaya@gmail.com*

*Abstract.* The restructuring in the system of verb tenses, which took place in the separate history of the Slavic languages, led in a number of languages to the loss of grammatical person indicators *s* in some predicative models and to the activation of impersonal and subjectless sentences. If in the Proto-Slavic and Old Russian languages in all forms of the past tenses the meaning of the person was present, then in the Russian language, in place of the four past tenses, one perfect was preserved, in which the link present time from the verb *\*byti*, which explicitly expressed the meaning of the person, was gradually lost. The linguistic consciousness of the speakers got used to the indistinctness of the grammatical person, which led to the emergence of structurally diverse and widely used non-subjective sentences. According to the repertoire of models of subjectless sentences, the Slavic languages are close to each other, but differ in the activity of the models. The occurrence of infinitive and mononuclear sentences with a verbal predicate in the 2nd person singular increases in the direction from Slovenian to Polish and further to Russian. In the aspect of areal-diachronic differences between the Slavic languages, the considered facts show that in the direction from west to east (from Slovene to Polish and further to Russian) there is a typological tendency to weaken the inflectional nature of the grammatical category of a person and to blur the basic meanings of a person.

*Keywords:* grammatical person, impersonal sentences, infinitive sentences, indefinite and generalized-personal sentences, productivity factors of subjectless sentence models

*For citation:* Mechkovskaya, N.B. (2022), “Typological features of the category of person in Russian grammar. Expansion into syntax, maximum activity

of subjectless sentences in Slavia, variety of unreal modalities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 24–45, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-24-45

# 1. Универсальность грамматической категории лица и ее реализации в местоимениях и предикатах

В языках мира только две грамматические категории являются универсальными – грамматическое лицо и залог (дейксис). Универсальную представленность категории лица, как и наличие в любом языке земного шара местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица, на первой конференции по языковым универсалиям (Нью-Йорк, 1961) констатировали Дж. Гринберг и Р.О. Якобсон [Universals 1963]. Об универсальности залога еще в 1921 г. писал Эдвард Сепир. Обе универсальные категории (лицо и залог) реализуют свои значения в разных грамматических разрядах слов, в том числе в словах разных частей речи и разными грамматическими способами, включая порядок слов, а также (уже за пределами грамматики) лексику, наполняющую синтаксические модели высказываний.

Грамматическая семантика лица vs безличности (или бессубъектности) коммуникационно облигаторна в глубинном синтаксисе любого высказывания; она задает актантные координаты сообщения. Для понимания высказывания в конкретном коммуникативном акте партнеры должны осознавать, кто является субъектом того действия, о котором идет речь в порождаемом (и воспринимаемом) высказывании: сам ли говорящий (*иду*), слушающий (*идешь*) или не-участник разговора, т. е. «третье» лицо или «не-лицо», а неодушевленный предмет – (*снег идет, часы идут*). Различение трех лиц представляет собой глубокую коммуникативно-психологическую универсалию. Неслучайно тройственная оппозиция 1-го, 2-го и 3-го лиц лежит в основе главного жанрового разделения в искусстве слова – лирики, драмы, эпоса.

Лицо – шифтерная категория, в живом разговоре референция ее форм меняется от высказывания к высказыванию, и без принудительной помощи грамматики говорящие не справлялись бы с необходимостью постоянно различать постоянно меняющиеся связи между субъектом действия и тем или иным участником разговора. Если субъект действия, о котором идет речь, не указан достаточно определенно, то это чревато коммуникативной и другими неудачами. Так, побуждение *Нужно сходить за картошкой*, высказанное хозяйкой в присутствии трех других членов семьи (каждый из ко-

торых бывал субъектом этого действия – *сходить за картошкой*), оказалось безадресным, за картошкой никто не пошел, а муж сказал раздраженно: *Говори прямо, а не намеками* (ср. похожие ситуации в [Ермакова, Земская 1993, с. 48]).

Опора категории лица на местоимения универсальна; связь с глаголом, хотя и не универсальна, однако по языкам мира распространена широко. Частичное дублирование значений лица глагольными и местоименными показателями относится к тем проявлениям избыточности языка, которые обеспечивают его надежность в общении. Выражение значений лица средствами двух частей речи говорит о глубокой укорененности категории лица в семантике языков. О.Г. Ревзина, подчеркивая значительность категории лица в русском языке и ее реализацию в морфологии двух частей речи, характеризовала грамматическое лицо как «суперкатегорию» [Ревзина 1973, с. 8].

Однако, помимо общей задачи – указывать, является ли субъект действия (подлежащее) говорящим, слушающим или участником данного разговора, у категории лица в местоимениях и у этой же категории в глаголе имеются свои особые функции. В местоимениях категория лица формирует оппозицию «персональность vs неперсональность» (лицо vs неліцо, т. е. предмет): местоимения 1-го и 2-го лица (говорящий и его собеседник – это люди), в то время как 3-м лицом может быть как человек (или люди, не участвующие в разговоре), так и предмет. В подавляющем большинстве высказываний местоимения 3-го л. указывают именно на предметы (неодушевленные или одушевленные): *Дай им попить* (цыплятам), *Он сейчас в ремонте* (о компьютере), *Она не кусается* (о собаке). *Они уже проросли* (о семенах).

В предикативных структурах для категории лица существенна привативная оппозиция «определенность субъекта действия (лица или предмета)» vs «неопределенность субъекта действия» (*я хочу* vs *мне хочется*), в которой немаркированная первая подкатегория является грамматически определенной, семантически цельной и шире представленной в речи. Маркированная подкатегория «неопределенный субъект действия» предстает как континуум предикативных структур с семантикой большей или меньшей неопределенности субъекта действия. В пределах названного континуума основное противопоставление может быть обозначено как «безличность» vs «бессубъектность». Безличные предикативные модели, более редкие в речи, служат для сообщений о действиях и состояниях, непосредственный субъект или фактор которых неочевиден и поэтому не всегда может быть назван (*тошнит, свербит, колбасит, хочется, хлеба хватает, тянет на улицу, краном задавило, все под-*

валы затопило). Бессубъектные предикативные модели связаны с ситуациями, в которых субъектом действия является человек (или люди), однако в силу разных причин, включая этические и стилистические, субъект намеренно не называется (*В статье показано, что...; Сказано – сделано; Придется подождать*). К бессубъектным моделям относятся предложения с глаголами в личных формах 2-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., называющими действия, субъект которых мыслится неопределенно широко и обобщенно (*Выше головы не прыгнешь; Не пером пишут, умом*). В инфинитивных предложениях (*Встать надо; Тебе бы помолчать; Молчать!; Целый час еще ждать*) неопределенность субъекта и связанная с ней модальная неопределенность достигают максимума. Так, название фильма-притчи Марка Захарова «Убить дракона» (1988) допускает различную конкретизацию: ‘приказ, обращенный ко 2-му л.’, ‘осознание 1-м л. необходимости названного действия’, ‘раздумье над возможностью действия 3-х лиц’, ‘пожелание (мысленно), обращенное к неопределенному кругу лиц’ и др.

Неопределенность значения лица (безличность и бессубъектность) оборачивается не лакуной, не эллипсисом, но расширением смыслового потенциала в указании на субъект и факторы действия. Лексика сообщает этим вариациям бесконечное модальное и семантическое разнообразие: *Час терпеть, а век жить* или: *Не обиделась, но обидно*.

## 2. Несмотря на универсальность, грамматическая категория лица развернута в разных языках в разной мере

В некоторых неиндоевропейских языках значения лица охватывают более широкие грамматические области, чем в индоевропейских; в других языках – более узкие. По данным А.П. Володина, баскский, картвельские и абхазско-адыгейские, а также большинство палеоазиатских, отчасти самодийские и обско-угорские, многие языки Северной и Южной Америки различают, наряду с лицом субъекта, также лицо (и число) объекта; есть языки, в которых значение лица выражается не только глаголом, но и именем, когда оно находится в позиции сказуемого; с другой стороны, известны языки, в которых глагол не имеет форм лица ни в одном из наклонений, кроме повелительного (лезгинский, монгольский, нивхский) [Володин 1990].

Различия в степени присутствия грамматического лица наблюдаются не только между языками разных семей, но и в одной семье,

в том числе индоевропейской. Эти различия наиболее отчетливо проявляются в синтаксисе, поскольку участие в выражении значений лица глагольного сказуемого (главного организатора предложения) привело к экспансии категории лица (в своем генезисе морфологической) в синтаксис языка.

В славянских языках имеются разнообразнейшие модели односоставных бесподлежащих предложений с неэксплицированным субъектом действия, причем это действия не только стихий (*Его молнией / током убило*), отдаленного и неизвестного «третьего лица» (*Почту уже принесли*), но и любого лица, включая участников разговора, поэтому субъект такого действия может мыслиться и обобщенно (*Цыплят по осени считают; Слезами горю не поможешь, Никогда не поздно учиться*), и более определенно: *Пора ехать* (мне, тебе, ему, нам), *Сколько можно шутить!* (тебе, ему), *До зарплаты денег хватит* (нам, тебе, ему). В английском, немецком, французском языках приведенным русским высказываниям соответствуют двусоставные предложения. Ср. англ.: *Lightning killed / He was electrocuted; The mail has already arrived; Do not count your chickens before they are hatched; Tears of sorrow will not help; It's never too late to learn* (or: *One is never too old to learn*); *It's time to go; How much can you joke!; There is enough money until the salary.*

Модели односоставных бесподлежащих предложений ни филогенетически, ни онтогенетически не являются производными или вторичными по отношению к двусоставным подлежащно-предикативным моделям. А.А. Шахматов, приводя примеры безличных предложений в древнеиндийском, древнегреческом, латинском, литовском языках, подчеркивал, что это предложения «безусловно полные»; их происхождение не связано с эллипсисом подлежащего в двусоставных предложениях, «хотя и возможно, что эллиптическим путем с течением времени увеличилось их число» [Шахматов 1941, с. 89, 467]. В онтогенезе, по данным А.Н. Гвоздева, безличные предложения (*Налить!; Надо; Не надо; Еще молока!; Горячо; Можно; Нельзя*) появляются в числе самых ранних предикаций – в возрасте 1 года и 8 месяцев и 2 лет и 1 месяца [Гвоздев 1961, с. 165, 184–186].

В аналитических индоевропейских языках безличные предложения были вытеснены конструкциями с формальным подлежащим: на месте лат. *pluit* ‘дождит’ в новых романских языках стало франц. *il pleut*, итал. *il piove* и т. д. Впрочем, этот процесс развился не столько из-за «нетерпимости» аналитического языкового сознания к слитности субъекта и предиката в безличных моделях, сколько по аналогии с эволюцией личных форм: лат. *scribo* ‘пишу’, *bibo* ‘пью’, *vis* ‘хочешь’ трансформировались во франц. *j'écris* ‘я пишу’, *je bois*

‘я пью’, *tu veix* ‘ты хочешь’ [Шахматов 1941, с. 467]. Однако в синтетических индоевропейских языках, и в частности в славянских, бесподлежащие предложения остаются живым и продуктивным классом. В стихийной целостности их семантики есть своя привлекательность: *Стихи не пишутся – случаются, / как чувства или же закат. / Душа – слепая соучастница. / Не написал – случилось так* (А. Вознесенский).

### 3. Безличные и бессубъектные предложения в славянских языках: межъязыковая близость состава моделей

Судя по данным нормативных грамматик, современные славянские литературные языки в целом близки между собой по составу (списку) основных моделей простых предложений (без учета фразеологизированных предикативных схем [Шведова 1970]; [Шведова 1980]). В языках современной Славии имеется примерно 20 общих (сходных) моделей простых предложений, при этом в каждом отдельном языке эти модели относятся к наиболее продуктивным. Их терминологические обозначения по своей внутренней форме также похожи (ср. рус. *безличное, инфинитивное предложение* – словенск. *neosebena, nedoločniški (infinitivni) stavek*, польск. *bezosobowe zdanie, zdanie bezokolicznikowe* и т. д.); отмеченная терминологическая близость позволяет называть сходные предложенческие модели в разных языках “одноименными”. Межъязыковые различия, разумеется, есть, но их допустимо трактовать как вариации некоторой общей модели.

Так, во всех славянских языках имеются двусоставные предложения модели  $\text{Na}^{\text{nom}} + \text{esse}^{\text{3sg}} + \text{Nb}^{\text{nom/instr}}$  (т. е. существительное **a** в им. п.+глагол ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч. + существительное **b** в им. или тв. п.): рус. *Мой отец – учитель*, польск. *Mój ojciec jest nauczycielem*, чешск. *Můj otec je učitel*, словенск. *Moj oče je učitelj*, болг. *Баща ми е учител* и т. д., при этом для русской модели при сказуемом в настоящем времени нормой является нулевая связка между подлежащим и присвязочным компонентом именного сказуемого, в то время как для польского, чешского, словенского и болгарского языков в данной модели нормативна эксплицитная связка. Вместе с тем обе нормы в своих языках не являются жесткими: в прошедшем и будущем времени и в русском языке связка должна быть эксплицитной, а польский узус иногда мирится с отсутствием связки, довольствуясь местоименным разделителем: польск. *Czas to pieniądz*, (‘Время – деньги’), *Wiedza to*

*potęga* ('Знание – сила'), в то время как в словенском, чешском, словацком, болгарском языках в подобных афоризмах связка большей частью обязательна.

Во всех языках Славии структурное разнообразие и семантико-прагматические возможности бесподлежащих предложений превышают разнообразие двусоставных предикативных схем. Однако и в этом пестром славянском синтаксисе бесподлежащих предложений наблюдается значительная структурно-семантическая близость.

Констатируя межславянское сходство основных моделей простого предложения, следует указать на одно значимое исключение: украинско-польская модель с пассивным причастием на *-но*, *-то*, которое управляет прямым объектом в форме беспредложного Вин. п: укр. *Обіцяно роботу* '\*Обещано работу'<sup>1</sup>; *На ліжку було розкладено одяг* '\*На кровати было разложено одежду'; *Ремонт зроблено поверхово* '\*Ремонт сделан поверхностно'; *Пішла груба лайка на всіх старших учених мовознавців – їх залякано і змушено мовчати* 'Пошла грубая брань по адресу всех старших ученых-языковедов – их \*запугано и \*вынуждено молчать' (І. Огієнко); польск. *Zaczęto taniec* '\*Начато танец'; *Wykryto nadużycia* '\*Раскрыто злоупотребления'; *Opowiedziano mi tę historię* '\*Рассказано мне эту историю' Семантическое своеобразие модели видят в том, что такие причастия менее адъективны, они усиливают оттенок перфективации и обозначают действия преимущественно человека, а не стихий [Булаховський 1951, с. 66–67].

Польский и украинский языки в данном случае сохраняют старинную модель причастной предикации, известную в старопольском языке в XII–XVI вв. [Klemensiewicz 1961, s. 127], в украинских и белорусских памятниках – с XIV в., в русских – с XVI в., при том что безличные причастные предикаты с отрицанием отмечены и в более ранних памятниках (например, *рати не слышано* – в «Слове о полку Игореве» [Борковский 1983, с. 85].

В польском языке круг подобных моделей несколько шире, чем в украинском, поскольку в польском причастия на *-no*, *-to* возможны не только у переходных глаголов, но и у непереходных, например, *bawiono się* (*bawić się* 'забавляться, хорошо проводить время'), *cieszono się* (*cieszyć się* 'радоваться'), *rozmańwiano* (*rozmańwiać* 'разговаривать'), *śmiano się* (*śmiać się* 'смеяться'), *wyspano się* (*wyspać się* 'выспаться') и под. Ср.: *Rzadko zdarzało się, aby się w domu śmiano*

<sup>1</sup> Здесь и далее синтаксическая структура оригинала передается "буквально", что в семантизации приводит к некоторому аграмматизму. Такие записи даны под звездочкой.

*albo cieszono z jego powodu* ‘Редко случалось, чтобы в доме \*смеяно или \*радовано по его поводу’ (М. Dąmbrowska (пример взят из: [Тихомирова 1978, с. 96])). Фактически такие причастия утрачивают собственно страдательное значение. Подобные конструкции известны русской диалектной и некодифицированной канцелярской речи: *У него на тракторе уехано; С нарушителями побеседовано*. Если объект при “квазипассивном” причастии отсутствует или не является прямым, то такие конструкции обычны и в русской речи: *В комнате накурено, натоптано* и под.

К украинско-польским безличным моделям предложений с причастиями на *-но, -то* (*Обіцяно роботу*) близки предложения, в которых сказуемое, выраженное безличным возвратным глаголом, управляет существительным в Вин. п.: *Даніло поїхав до Дніпра, де готувалося нічну експедицію* ‘Данило поехал к Днепру, где \*готовилось ночную экспедицию’); *Училося отут гуртом урок на завтра* (\*Училося здесь же группой урок на завтра’) [Булаховський 1951, с. 67]; польск. *Uprasza się o ciszę* ‘\*Просится о тишину’. Сходная модель известна также чешскому и словацкому языкам: чешск. *Večer se tančilo* ‘Вечером \*танцевалось’; словацк. *Kde sa chodilo?* ‘Куда он (она, они; ты, вы) \*пошло’ [*sa* – возвратная частица]).

Отмеченная особенность украинского и польского синтаксиса – безличные предложения с объектом в вин. п. – в целом не колеблет значительного сходства односоставных бесподлежащих предложений в славянских языках. Однако “одноименные” предложения различны по своей употребительности (частоте реализаций моделей) в текстах на том или ином языке.

#### 4. Межславянские различия в употребительности «одноименных» моделей предложения

Древнейший разряд безличных предложений – со сказуемым в форме 3-го л. ед. ч. глагола (*Светаєт*) и с безличным предикатом наречного или именного происхождения (*Надо. Нельзя*) – в каждом отдельном славянском языке по своей продуктивности (употребительности) занимает в классе бесподлежащих предложений первое место. При этом удельный вес высказываний, построенных по “одноименной” модели и одного ранга, может быть различным в разных языках. Так, в словенском языке безличные предложения встречаются несколько чаще, чем в речи на восточнославянских языках. Это связано с межязыковыми различиями в употребительности некоторых других моделей бесподлежащих предложе-

ний, конкурирующих с безличными. Дело в том, что словенские безличные предложения нередко встречаются в тех ситуациях, в которых, говоря на восточнославянских языках, обычно используют неопределенно- и обобщенно-личные предложения (*Мало ли, что говорят; Тише едешь – дальше будешь*). Словенский аналог приведенной русской пословицы выражен афоризмом в безличной оболочке: *Počasi se daleč pride* (дословно: ‘Медленно далеко \*идется’, т. е. ‘далеко приходят, много успевают’). Ср. также словенские безличные предложения (сказуемое в 3-м л. ед. ч.), которым в русском языке соответствуют предложения неопределенно-личные (сказуемое в 3-м л. мн. ч.): *Tod se pride do reke* (дословно: ‘Там \*идется к реке’), рус. *Здесь проходят к реке*; *Pri ede se molči* (дословно: ‘За едой \*молчится’), рус. *За едой молчат*. Относительно высокая употребительность безличных предложений в словенском языке связана также с тем, что здесь шире круг существительных, могущих соединяться с безличным сказуемым. Ср., *Groza me je bilo ob misli na to* (дословно: ‘Ужас мне \*было при мысли об этом’) [Мечковская 1991, с. 91–92].

4.1. Употребительность инфинитивных предложений в словенском, польском и русском языках: она возрастает в направлении с запада на восток. Шире всего инфинитивные предложения (с независимым инфинитивом) употребляются в русском языке (и, как кажется, в украинском), более ограниченно – в польском, еще уже – в словенском. Так, половине инфинитивных предложений в тексте повести Ст. Лема “Katar” (Kraków, 1976) в переводе на словенский язык (St. Lem. *Seneni nahod*. Prevedel N. Jež, Ljubljana, 1980) соответствуют личные предложения. Ср. ряд примеров:

| St. Lem. Katar.<br>Польский оригинал.                        | Словенский перевод.<br>St. Lem. Seneni nahod.                                  |
|--------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Iść czy nie iść?</i><br>[‘Идти или не идти?’]             | <i>Naj vstanem ali ne?</i> [Буквально:<br>‘Что, <b>встану</b> я или нет’]      |
| <i>Jak by powiedzieć ...</i><br>[‘Как бы сказать...’]        | <i>Kako bi rekel...</i><br>[‘Как бы я (ты /он) сказал’]                        |
| <i>...kogo dziobnąć w nogę</i><br>[‘...кого клюнуть в ногу’] | <i>...koga naj kljune w nogo.</i><br>[‘...кого-то пусть <b>клюнет</b> в ногу’] |
| <i>Jak to wyrazić?</i><br>[‘Как это выразить?’]              | <i>Kako naj to izrazim?</i> [Как это<br>выражу? / Как смогу это выразить?]     |

В отличие от польского языка (а также русского), в словенском языке независимый инфинитив не употребляется в придаточных

предложениях. Польским придаточным с инфинитивом в словенском переводе “Katará” всегда соответствуют личные предложения в кондиционале, оптативе, реже в индикативе; нередко сказуемое-инфинитив польского придаточного переводится словенским отглагольным существительным<sup>2</sup>.

| Польский оригинал.<br>St. Lem. Katar.                                                                                                                                                                                                                | Словенский перевод.<br>St. Lem. Seneni nahod.                                                                                                                                                                            |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Jeśli już coś <b>zrobić</b>, to tak dokładnie, jak tylko można</i> ‘Если уж что-то делать, то так точно, как только можно’.                                                                                                                       | <i>Če naj bi že kaj <b>ukrepali</b>, naj <b>bo</b> kolikor mogoče natančno</i> ‘Если бы что-то <b>делали</b> , пусть <b>будет</b> [это сделано], как можно более точно’.                                                 |
| <i>Zamiast <b>szukać</b> odpowiedzi na takie pytania, lepiej zapiąć rozpiorek i jechać dalej</i> <sup>3</sup> ‘Вместо того, чтобы искать ответы на такие вопросы, лучше застегнуть молнию и ехать дальше’                                            | <i>Namesto <b>iskanja</b> odgovorov na taka vprašanja bi bilo bolje zapeti zadrgo in se odpeljati naprej.</i> ‘Вместо <b>поиска</b> ответов на такие вопросы было бы лучше застегнуть молнию и ехать дальше’             |
| <i>Krążył od hotelu do hotelu po nocnym Rzymie, żeby tę drogę <b>zakończyć</b> w Hiltonie, bo żywy z niego nie wyszedł</i> ‘Кружил от отеля к отелю по ночному Риму, чтобы этот путь <b>закончить</b> в Хилтоне, потому что живым из него не вышел’. | <i>Krožil od hotela do hotela po nočnem Rimu in potem končal v Hiltonu, kajti živ ni prišel iz njeга</i> ‘Кружил от отеля к отелю по ночному Риму и потом <b>*кончал</b> в Хилтоне, потому что живым не пришел из него’. |

В русском переводе “Катара” С. Ларина и В. Чепайтиса («Знамя», 1978, № 4, 5) инфинитивные предложения (и самостоятельные, и придаточные) употребляются значительно чаще, чем в оригинале. В сопоставимых словенских и русских текстах эта тенденция проявляется еще сильнее: где в русской фразе употреблен независимый инфинитив, там в словенском стоит личная форма глагола. Ср. параллели из «Осени» А. Пушкина и в словенском переводе М. Клопчича:

<sup>2</sup> Неслучайно в словенских грамматиках односоставные предложения с независимым инфинитивом относят к неглагольным предложениям [Torošič 1976, s. 561], а беспрефиксный инфинитив до сих пор понимается как слитная форма глагола и имени [Torošič 1992, s. 129].

<sup>3</sup> Вторая часть последнего предложения во всех трех версиях (польском оригинале и в его словенском и русском переводах) построена по модели не инфинитивных, но безличных предложений с зависимым инфинитивом.

Как это **объяснить**? – *S čim to naj razložim* ? [‘Как это **объясню**?’]

**Сказать** вам откровенно... – *Priznam naj vam odkrito*... [‘**Признаюсь** вам открыто’]

Плывет. Куда ж нам **плыть**? – *Ze plovemo. A kam?* [‘Уже **плывем**. А куда?’]

Характерны также русская и словенская версии одной паремии: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* vs *Dve smrti se ne moreta zgoditi, eni pa se ni mogoče izogniti* (‘Две смерти не могут случиться, но одной невозможно избежать’): в русской поговорке два инфинитивных предложения, в словенской – двусоставное и безличное предложение с категорией состояния и примыкающим инфинитивом.

Аналогичная картина наблюдается в русско-польских пословичных параллелях: русским инфинитивным предложениям соответствуют польские двусоставные. Ср.:

| Русские и польские пословичные параллели                 |                                                                                                                                        |
|----------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Чему <b>быть</b>, того (тому) не <b>миновать</b>.</i> | <i>Co ma byćś, to będzie (stanie się)</i><br>(дословно: ‘Что имеет быть, то будет’).                                                   |
| <i>Чтобы рыбку <b>съесть</b>, надо в воду лезть.</i>     | <i>Kto chce ryby jeść, musi się zmozyć</i><br>(‘Кто хочет рыбу есть, должен замочиться’).                                              |
| <i>Двум смертям не бывать, а одной не миновать.</i>      | <i>Dwie zgony nie mogą się zdarzyć, ale jednej nie da się uniknąć</i> (‘Две смерти не могут случиться, но одной не удастся избежать’). |

Есть, однако, и польская модель инфинитивных предложений с глаголами восприятия, осознания; в русском языке этой модели соответствуют бессубъектные предложения разной структуры: *Poznać lisa po ogonie* – ‘Лису по хвосту узнаешь / Лису по хвосту видно’, *Poznać błazna i bez dzwonków* – ‘Шута и без бубенчиков видно’.

У инфинитивных предложений самый неопределенный субъект действия, они максимально разнообразны по экспрессии и модальности – от категорического приказа до интимного нерешительного раздумья и сомнения. Они употребительны и органичны в живой русской речи, в том числе публичной, и далеко не только в поговорках; между тем в польской и особенно словенской речи говорящие предпочитают предложения с более определенным значением лица, времени и модальности.

Продуктивность «класса инфинитивных предложений» (термины русских академических грамматик 1970 и 1980 гг.)

коррелирует с разнообразием глагольной лексики в позиции предиката: «в инфинитивных предложениях позиция главного члена может быть замещена любым глаголом: лексико-семантические ограничения отсутствуют» [Шведова 1980, с. 373]. В коллективной монографии «Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання» инфинитивные предложения отнесены «не к основным моделям, а к периферийным вариантам» предложения [Слинько 1994, с. 232]. В энциклопедии «Языки мира» в список 18 «основных структурных схем» польского синтаксиса инфинитивные предложения включены [Тихомирова 1978, с. 376].

4.2. *Употребительность бесподлежащих предложений с глагольным сказуемым в форме 2-го л. возрастает в направлении от словенского языка к польскому и далее к русскому.* В славянских языках предложения без эксплицитного подлежащего, но с глаголами в формах 2-го и 3-го л. (любого числа) развили некоторые специальные грамматические значения. У моделей со сказуемым в форме глагола 3-го л. ед. ч. это значение безличности, в глубине – стихийности: субъект действия – неведомое «Оно». Бесподлежащие предложения с глагольным сказуемым в формах 2-го лица (ед. ч.) стали обозначать действия разрозненных лиц, которые, однако, действуют (будут или должны действовать) сходным образом – в силу природы человека. Модели со сказуемым в 3-л. мн. ч. служат для выражения действия ряда лиц (*Машины обычно под окнами ставят*) или неопределенного лица (*Почту приносят по утрам*); субъекты действия не составляют группы, их действия разрозненны, но сходны (*Дни поздней осени бранят обыкновенно* (Пушкин)).

О межславянских различиях в употребительности бесподлежащих предложений с глаголом в форме 2-го л. ед. ч. можно судить по представленности данной модели в пословицах. В русском языке это десятки широко известных пословиц, причем преимущественно в индикативе, а не в повелительном наклонении (чья прямая дидактичность несколько обедняет модальность фразы). В словенском большинство паремий с глаголом во 2-м л. ед. ч. – это именно побуждения или советы: *Niti bodi med, niti bodi jed* ‘Не будь медом, не будь и ядом’, *Ne išči dlake v jajcu!* ‘Не ищи в яйце волос!’ Индикативные словенские пословицы с глаголом во 2-м л. ед. ч. обычно содержат старые или редкие слова, нередко рифмующиеся, как в пословице *S komer hodiš, s tem se obrodiš* ‘С кем поведешься, с тем и преуспеешь (получишь приплод, высокий урожай и т. п., также в переносном смысле)’ (SSKJ 1979,

III, s. 227). По-видимому, в паремиях с более близкой лексикой происходила синтаксическая адаптация пословиц к языковому строю с более эксплицитным выражением субъекта. Достаточно часто словенская пословица, максимально близкая по модальности и образной основе к русской паремии со сказуемым в форме 2-го л. ед. ч., в синтаксическом плане представляет собой предложение с личным сказуемым. Ср.:

| Русские паремии                                 | Словенские параллели по [Bojc 1980]                                                                     |
|-------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Посеешь ветер – пожнешь бурю.</i>            | <i>Kdor veter seje, bo vihar žel</i> ('Кто сеет ветер, будет жать бурю').                               |
| <i>Кончил дело – гуляй смело.</i>               | <i>Končano delo je praznovano</i> (дословно: 'Законченное дело отпраздновано').                         |
| <i>С кем поведешься, от того и наберешься.</i>  | <i>Kdor s psi lega, z bolhami vstane</i> ('Кто с псом спать ложится, с блохами встанет').               |
| <i>Захочешь собаку ударить – палку найдешь.</i> | <i>Kdor hoče psa tepsti, lahko mu je palico dobiti</i> ('Кто хочет пса ударить, надо ему палку найти'). |
| <i>Как постелешь, так и выспишься.</i>          | <i>Kakor si človek postelje, tako leži</i> (буквально: 'Как человек себе постелит, так и спит').        |

В то же время в сборнике "Pregovori in reki na Slovenskem" [Bojc 1980] мне не встретилось обратное соотношение: чтобы в словенской паремии был глагол во 2-м л. ед. ч., а в ближайшей по смыслу и образу русской паремии – двусоставное предложение.

Русско-польские паремиологические параллели дают иную картину: сходные по образности и лексике пословицы примерно в четверти случаев имеют одинаковое сказуемое (в форме 2-го л. ед. ч.): *Jak sobie pościelesz, tak się wyśpisz.* – *Как себе постелишь, так и выспишься*; *To, co siejesz, jest tym, co zbierasz.* – *Что посеешь, то и пожнешь*; *Na plewy starego wróbla nie złowisz.* – *Старого воробья на мякине не проведешь*; *Wyże głowy nie przeskoczysz.* – *Выше головы не прыгнешь*.

В остальных парах модели разные. Иногда в польской паремии сказуемое во 2-м л. ед. ч.: *Gdy idziesz zabijać muchę, nie bierz z sobą armaty* ('Если идешь убивать муху, не бери с собой пушку'). – *Из пушки по воробьям не стреляют*. Но чаще русской модели с 2-м л. ед. ч. соответствует польское двусоставное или безличное предложение.

| Русские поговорки                                | Польские параллели по: (Stypuła 1974)                                                                   |
|--------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Век живи, век учишься, а дурнем помрешь.</i>  | <i>Człowiek całe życie się uczy, a durniem umiera</i> ('Человек целую жизнь учится, а дурнем умирает'). |
| <i>Как волка ни корми, он все в лес смотрит.</i> | <i>Natura ciągnie wilka do lasu</i> ('Натура тянет волка в лес').                                       |
| <i>Раньше смерти не умрешь.</i>                  | <i>Przed śmiercią się nie umiera</i> (дословно: '*Прежде смерти <b>не умирается</b> ').                 |

А.А. Шахматов отмечал древность неопределенно- и обобщенно-личных значений глаголов во 2-м л. ед. ч., представленных еще в древнегреческих и латинских текстах [Шахматов 1941, с. 71]. В текстах XIX в. Шахматов и Пешковский обнаружили в таких предложениях не только обобщение, но и особую форму речи 1-го лица (говорящего)<sup>4</sup>. По этой модели, но за пределами фольклора (хотя, возможно, под влиянием пословичной модели со сказуемым во 2-м л. ед. ч.) распространились лирические высказывания субъекта речи ("говорящего-пишущего", т. е. автора), выражающие мысли и чувства 1-го л., но представленные в высказываниях со сказуемым в форме 2-го л. ед. ч. В таких высказываниях говорящий сообщает о своем личном переживании каких-то действий или состояний, полагая, что в подобных ситуациях «это же», скорее всего, испытывает и собеседник, читатель («2-е л.»), и вообще широкий круг людей: *С утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью ляжешь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили* (А. Чехов). Вот почему сказуемое стоит в форме 2-го лица.

А.М. Пешковский писал, что «обобщительная форма» сказуемого в подобных высказываниях «получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем мостом, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повество-

<sup>4</sup> И приводили выразительные примеры из пьес Гоголя, Чехова, Горького, прозы Тургенева. Ср. откровения Хлестакова: *Наскучило идти – берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* [Пешковский [1928] 1956, с. 372]; *Да ведь где же достать хорошего дворянина? Ведь его же на улице не сыщешь* (Гоголь. «Женитьба») [Шахматов 1941, с. 72].

ванием, чем при чисто личной форме» [Пешковский [1928] 1956, с. 375–376].

В.В. Виноградов заметил сходное «обобщительное» употребление глагола и местоимения 2-го л. не только в ед., но и во мн. ч. Такая форма «может обозначать не конкретных собеседников, а неопределенных слушателей или читателей». Например: «*За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь, оглядываете пистон, перемигиваетесь с товарищем*» (Тургенев. «Ермолай и мельничиха») [Виноградов 1947, с. 460]. В таких высказываниях формы мн. ч., по сути, не столько расширяют круг адресатов, сколько придают речи литературный «интеллигентский» оттенок.

Непословичное обобщенно-личное употребление глаголов и местоимений 2-го л. ед. ч. (и реже мн. ч.) не является особенностью русского синтаксиса: оно отмечено в грамматиках всех славянских языков (включая наиболее отдаленный от русского языка словенский). Ср.: *Delaš kot konj vse leto, toča pa pobije v petih minutah* 'Работаешь как лошадь весь год, а град все за пять минут уничтожит' [Toporišič 1976, s. 499]).

Обобщенно-личные предложения сохраняют свою активность в современном языке. Поскольку данных о частоте свободных высказываний рассматриваемой модели (со сказуемым во 2-м л.) почти нет, можно обратиться к собранию постфольклорных ернических и пародийных паремий, собранных Харри Вальтером и В.М. Мокиенко в издании «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко 2005). В этой книге объемом более 50 п. л. в изобилии (но отнюдь не поровну) представлены три отмеченные выше разновидности самодостаточных вне контекста высказываний со сказуемым во 2-м л. Ниже в порядке иллюстрации приведено по три «антипословицы» каждой разновидности.

1. Бесподлежащие высказывания с обычным пословичным значением, которое относится к неопределенно широкому кругу лиц (читателей, слушателей): *Не хочешь думать – верь; Не ценишь здоровье – узнаешь цену лекарств; Дорога не взлетная полоса: взлетишь – не сядешь.*

2. Бесподлежащие высказывания, в которых представлено действие, субъектом которого является сам говорящий (автор паремии); такое высказывание относится к 1-му лицу, но, по ощущению автора, подобное мнение разделяют и другие люди, поэтому автор использует объединяющую форму 2-го л. ед. ч.: *Лекарств сейчас так много, что невольно думаешь, чем бы еще заболеть; Сам себя утром не похвалишь – весь день ходишь как оплеванный; Здоровье – это когда в аптеку заходишь только за контрацептивами.*

3. Высказывания со сказуемым в форме 2-го л. мн. ч., которые относятся к неопределенно широкому кругу лиц: *Чем дольше вы ждете, тем больше вероятность того, что вы ждете не там; Ваше здоровье – в ваших ногах; Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что работы вы все равно не найдете.*

Таким образом, древняя модель бесподлежащих предложений со сказуемым во 2-м л. ед. ч. в русском языке не только сохранилась, но и распространила свое обобщенно-личное значение на высказывания со сказуемым 2-го лица во мн. ч. и даже с местоименным подлежащим в обоих числах 2-го лица.

### 5. Почему в славянском языковом ареале бесподлежащие предложения шире всего распространены в русском языке?

Общая черта бесподлежащих предложений в славянских языках состоит в редукции грамматической категории лица, при том, что в ряде моделей аффиксальные показатели лица сохраняются (*Смеркается; Без труда не вынешь рыбку из пруда; Просят не курить; Поживем – увидим* и т. п.). Но и модели со значительно большей неопределенностью лица (*Надо сходить за картошкой; В зале накурено; Крышу в бурю снесло*) не теряют своей продуктивности. Очевидно, языковое сознание говорящих привыкло к ослабленности, размытости грамматического значения лица; в конечном счете во многих высказываниях на русском языке формальное выражение лица стало необязательным.

Можно предположить, что структурно-грамматической предпосылкой ослабления значения лица в ряде славянских языков явилась перестройка системы глагольных времен, происходившая в период их раздельной истории. Судя по системе глагольного времени в праславянском языке (реконструируемой по данным старославянского языка), все формы глагольного времени в праславянском – как простые претериты (аорист и имперфект), так и аналитические (перфект и плюсквамперфект) – значение лица имели (наряду со значением времени, числа и склонения). Примерно такое же состояние было характерно для грамматического строя раннего древнерусского языка (общевосточнославянского). Однако в последующей истории восточнославянских языков на месте четырех прошедших времен осталось одно время, восходящее к формам перфекта (включавшего форму наст. вр. глагола *\*byti*: в ед. ч. *есмь, еси, есть*; во мн. – *есмъ, есте, суть*), в которой различались лица и

числа, и элевое причастие смыслового глагола. В русском языке связка наст. вр. от *\*byti* постепенно утрачивалась в формах перфекта, а также в именном сказуемом; в современной речи связки *есть* и *суть* удерживаются несколько архаически, в случаях подчеркнуто строгих отождествлений или морфологической нестандартности актантов: *Пусть s, fi и v суть внутренние координаты поверхности ф*. Однако в украинском и белорусском именном сказуемом связка наст. вр., восходящая к *есть*, встречается до сих пор, особенно в СМИ, и употребляется независимо от числа субъектов: *Цікавим є ансамбль «Не журисть!»* ('Интересен ансамбль «Не журисть!»); *Вони є представники брутальної чуттєвості* ('Они выступают как представители грубой чувственности') [Мечковская 1999]. В белорусском и украинском языках модели с глаголом в личной форме поддерживаются также конструкциями обладания и долженствования с глаголом с исходным значением 'иметь'; ср. бел. *Я маю кнігу, сям'ю, карову, гонар; маю вярнуцца*; аналогичные русские конструкции обычно представлены безличными предложениями: *У меня есть книга, семья, корова, честь; мне надо вернуться*.

Грамматическое лицо в глагольном спряжении в полной мере (и в простых, и в сложных претеритах) сохранилось в южнославянских языках, за исключением словенского, в котором простые претериты утратились. В чешском и словацком языках осталось одно прошедшее время, восходящее к прежнему перфекту, однако в его формах 3-го л. обоих чисел связка не употребляется, а во 2-м л. связка испытывает сильную ассимиляцию по отношению к соседним словам (иначе говоря: аналитический претерит постепенно превращается в простой). В польском языке сформировалось новое простое (синтетическое) прошедшее время, различающее три лица; в старом плюсквамперфекте лицо не различается. Отмеченные межславянские различия в выражении значений грамматического лица представлены в таблице на с. 18.

Таким образом, в русских предикативных моделях значение грамматического лица эксплицировано в наименьшей мере (по сравнению с синтаксисом других славянских языков), что является одной из структурных предпосылок максимального разнообразия в русском языке безличных и бессубъектных предложений и их широкой употребительности. Эти модели простых предложений в значительной, но в разной мере синонимичны между собой, что создает условия для их дальнейшей семантической и прагматической дифференциации и расширения выразительных возможностей русского синтаксиса.

## Таблица

Различия между славянскими языками  
в представленности грамматического значения лица  
в сказуемом

| Языки       | Связка<br><i>*byti</i><br>в именном<br>сказуемом<br>в наст. вр. | Простые<br>претериты | Сложные<br>претериты                 | Условное<br>накло-<br>нение |
|-------------|-----------------------------------------------------------------|----------------------|--------------------------------------|-----------------------------|
| Болгарский  | +                                                               | +                    | +                                    | +                           |
| Македонский | +                                                               | +                    | +                                    | +                           |
| Сербский    | +                                                               | +                    | +                                    | +                           |
| Хорватский  | +                                                               | +                    | +                                    | +                           |
| Словенский  | +                                                               | Нет форм             | +                                    | –                           |
| Чешский     | +                                                               | Нет форм             | (+)                                  | +                           |
| Словацкий   | +                                                               | Нет форм             | (+)                                  | +                           |
| Польский    | +                                                               | +                    | Реликты форм<br>без значения<br>лица | +                           |
| Украинский  | (–)                                                             | –                    |                                      | –                           |
| Белорусский | (–)                                                             | –                    |                                      | –                           |
| Русский     | –                                                               | –                    | Нет форм                             | –                           |

знак + означает ‘эксплицированность значения лица’

знак – означает ‘неэксплицированность значения лица’

знак, данный в скобках, указывает на ослабленное (не)проявление признака

В аспекте ареально-диахронических различий славянских языков рассмотренные факты показывают, что в направлении с запада на восток (от словенского к польскому и далее к русскому языку) имеет место типологическая тенденция к ослаблению словоизменительного характера грамматической категории лица и к размыванию основных значений лица. В русском языке это выражается в частичной утрате показателей лица в ряде предикативных конструкций, в появлении структурно разнообразных и широко употребительных бессубъектных предложений, а также в развитии значений безличности, обобщенности и неопределенности лица у личных форм глагола (некогда вполне определенных указателей на одно из трех грамматических лиц). Категория лица в славянских

языках, сохраняя свою морфологическую основу (пусть и не в полной мере), становится компонентом синтаксической семантики моделей односоставных предложений.

### *Источники*

- Вальтер, Мокиенко 2005 – *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
- SSKJ, 1979, III – *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Kn. 3. Ljubljana: SAZU, 1979. 1076 s.
- Stypuła 1974 – *Stypuła R.* Słownik przelów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa: 1974. 558 s.

### *Литература*

- Борковский 1983 – Структура предложения в истории восточнославянских языков / Ред. В.И. Борковский. М.: Наука, 1983. 304 с.
- Булаховський 1951 – Курс сучасної української літературної мови / Ред. Л.А. Булаховський. Т. 2: Синтаксис (1. Просте речення, 2. Складне речення, 3. Пунктуація). Київ: Радянська школа, 1951. 408 с.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Володин 1990 – *Володин А.П.* Лицо // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 271–272.
- Гвоздев 1961 – *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 471 с.
- Ермакова, Земская 1993 – *Ермакова О.П., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
- Мечковская 1991 – *Мечковская Н.Б.* Словенский язык. Минск: Университетское, 1991. 120 с.
- Мечковская 1999 – *Мечковская Н.Б.* Безличность, неопределенность и обобщенность лица в структуре категории персональности // *Personalität und Person* / Hrsg. Von H. Jachnow, N. Mečkovskaja, B. Norman, B. Plotnikov. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999. S. 97–124. (=Slavistische Studienbücher, Neue Folge. Bd. 9)
- Пешковский [1928] 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Ревзина 1973 – *Ревзина О.Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973. С. 5–38.
- Слинько 1994 – *Слинько І.І., Гуйванюк Н.В., Кобилянська М.Ф.* Синтаксис сучасної української мови: Проблемні питання / Навч. посібник. Київ: Вища школа, 1994. 670 с.

- Тихомирова 1978 – *Тихомирова Т.С.* Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 208 с.
- Шахматов 1941 – *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Госучпедгиз, 1941. 620 с.
- Шведова 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 768 с.
- Шведова 1980 – Русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
- Bojc 1980 – *Bojc E.* Pregovori in reki na Slovenskem. 2 izdaja. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980. 407 s.
- Klemensiewicz 1961 – *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Część I. Doba staropolska (od czasów najdawniejszych do początków XVI wieku). Warszawa: PWN, 1961. 230 s.
- Toporišič 1976 – *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor: Obzorja, 1976. 601 s.
- Toporišič 1992 – *Toporišič J.* Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992. 384 s.
- Universals 1963 – Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April, 13–15, 1961 / Ed. by J.H. Greenberg, Cambridge (Mass), 1963. X; 269 p.

## References

---

- Bojc, E. (1980), *Pregovori in reki na Slovenskem*, 2. izdaja, Ljubljana, Poland.
- Borkovskii, V.I. (1983) (ed.), *Struktura predlozheniya v istorii vostochnoslavjanskikh yazykov* [Sentence structure in the history of East Slavic languages, Nauka, Moscow, USSR.
- Bulakhovskii, L.A. (1951) (ed.), *Kurs suchasnoi ukrains'koï literaturnoi movi. T. 2: Sintaksis (1. Proste rechennya, 2. Skladne rechennya, 3. Punktuciya)* [Course of modern Ukrainian literary language. Vol. 2: Syntax (1. Simple sentence, 2. Complex sentence, 3. Punctuation)], Radyans'ka shkola, Kiev, USSR.
- Ermakova, O.P. and Zemskaya, E.A. (1993), “On the construction of a typology of communicative failures (on the natural Russian dialogue)”, in *Russkii yazyk v ego funkcionirovanii* [Russian language in its functioning], Nauka, Moscow, Russia, pp. 30–64.
- Greenberg, J.H. (ed.) (1963), *Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April, 13–15, 1961*, Cambridge Mass., USA.
- Gvozdev, A.N. (1961), *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Questions of studying children's speech], APN RSFSR, Moscow, Russia.
- Klemensiewicz, Z. (1961), *Historia języka polskiego. Część I. Doba staropolska (od czasów najdawniejszych do początków XVI wieku)*, PWN, Warszawa, Poland.
- Mechkovskaya, N.B. (1991), *Slovenskij yazyk* [Slovenian language], Universitetskoe, Minsk, Belarus.

- Mechkovskaya, N.B. (1999), "Impersonality, uncertainty and generalization of a person in the structure of the category of personality", in Jachnow, H., Mečkovskaja, N., Norman, B. and B. Plotnikov (eds.), *Personalität und Person*, Harrasowitz, Wiesbaden, Germany, S. 97–124. (=Slavistische Studienbücher, Neue Folge, Bd. 9)
- Peshkovskii, A.M. ([1928] 1956), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax from a scientific point of view], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Revzina, O.G. (1973), "General theory of grammatical categories", in *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya v oblasti grammatiki slavyanskikh yazykov* [Structural-typological researches in the field of grammar of the Slavic languages], Nauka, Moscow, pp. 5–38.
- Shakhmatov, A.A. (1941), *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language], Gosuchpedgiz, Leningrad, USSR.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970), *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language], Nauka, Moscow, USSR.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax], Nauka, Moscow, USSR.
- Slin'ko, I.I., Gujvanyuk, N.V. and Kobilyans'ka, M.F. (1994), *Sintaksis suchasnoï ukrains'koï movi: Problemni pitannya* [Syntax of the modern Ukrainian language. Problematic issues], Vishcha shkola, Kiev, Ukraine.
- Tikhomirova, T.S. (1978), *Pol'skii yazyk. Grammaticheskii ocherk, literaturnye teksty s kommentariem i slovarem* [Polish. Grammatical essay, literary texts with commentary and dictionary], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia. Polish language. Grammatical essay.
- Toporišič, J. (1976), *Slovenska slovnica*, Maribor, Slovenia.
- Toporišič, J. (1992), *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana, Slovenia.
- Val'ter, Kh. and Mokienko, V.M. (2005), *Antiposlovicy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people], Neva, Sankt-Petersburg, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1947), *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical doctrine of the word], Uchpedgiz, Moscow, Leningrad, USSR.
- Volodin, A.P. (1990), "Person", in *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 271–272.

### *Информация об авторе*

*Нина Б. Мечковская*, доктор филологических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь; 220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4; nina.mechkovskaya@gmail.com

### *Information about the author*

*Nina B. Mechkovskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus; bld. 4, Independence Av., Minsk, Belarus, 220030; nina.mechkovskaya@gmail.com